

НИТИ ВРЕМЕНИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА, ЧАСТНОЕ ИЗОБИЛИЕ (CIV)

«Il Programa Comunista» n°5 1952 г.

В некий момент на авансцену нынешней экономической жизни, которая ярко освещается в светом прожекторов политики и прессы, возвращается работа в пользу общества. И её представляют шедевром современной цивилизации и социального прогресса, который ведёт к всесторонней экспроприации частных владений и частных прав, необходимой для выполнения и осуществления плановой, более или менее грандиозной и широкой работы, приводя к великолепным благам, хваленным инновациям и улучшениям.

Вполне объяснимо, что господствующий буржуазный класс со своими партиями и прессой бьёт в барабан по поводу этих «осуществлений», и конкурирует от страны к стране, представляя свои наиболее сенсационные и колоссальные реализации. Не то, чтобы докапиталистические режимы, даже очень древние, не оставили после себя гигантских работ, которые могли бы выполнить только великие державы, и которые могли бы не просто соорудить памятники пропаганды и престижа, а также памятного ажиотажа, а внести решающий вклад в развитие производства. Дороги, каналы, порты и гидротехнические сооружения для резервирования и использования речных вод и освоения нездоровых земель и т.д. Но именно в буржуазные времена эта деятельность вторглась повсюду и возобладали, поскольку применение новых форм тепловой и электрической энергии становится все более сложным и широко распространенным, и все более и более требующим для огромных

территорий единого направления из центра, так что произвол частных лиц ежедневно требует своего отстранения.

С другой стороны, нелогичным является восторг, в котором купаются апология и громогласность этих работ, даже таких, которые теперь стали обыденной и банальной механикой, как если бы они были предвкушением будущего общества, на которое претендуют прибыльные или предпринимательские классы; текущая оценка каждого акта, который подчиняет частные права общим целям, звучит как небольшой «предпросмотр» коммунизма.

В современном мнении и дискурсе считается, что буржуа и пролетарий, консерватор и революционер должны встретиться друг друга на параде в честь торжественных рассуждений о «современной концепции» права собственности. Когда-то оно, как и в римском праве (Рим, однако, оставил не только юридические примеры, но и внушительную сеть внушительных государственных работ), означало неограниченное право на использование и злоупотребление своей собственностью, не имея возможности вмешиваться не только в другую частную, но даже в публичную власть. Однако сегодня, после большого шага вперед, признается, что это право должно подвергаться целому ряду ограничений, а в случаях важной общей необходимости разрешено даже аннулирование и потеря собственности по распоряжению государственных органов.

Поэтому во всех государствах существует закон об экспроприации в пользу общества, среди которых итальянский закон 1865 года определен как памятник юридической мудрости, и фактически, хотя он никогда не сопровождается объявленным регламентом, он содержит хорошо продуманное устройство. Не менее очевидным является то, что с течением времени случаи применения этих законов становятся все более частыми не только со стороны государства и других публичных органов, но и со стороны всех видов организаций и, как сегодня предусматривает целый ряд специальных законов, других частных лиц, при условии, если те доказывают, что их компания (сегодня производственная фирма, фабрика или учреждение) отвечает достаточному сложному понятию «общественного интереса».

Очевидное наблюдение состоит в том, что с этими передачами собственности никакое частное богатство не превращается в общественное богатство, так как экспроприация влечет за собой компенсацию, и, кроме исключительных случаев, экспроприирующая сторона обязана, как и в итальянском законодательстве, оплатить «справедливую цену по свободному договору купли-продажи». Целая процедура позволяет экспроприированному, во-первых, оспаривать соответствие экспроприации общественным интересам, а затем поднимать обсуждение правильной суммы компенсации по сравнению с предложенной, если та слишком мала.

Поэтому речь идет не о нарушении принципа, согласно которому государство не может конфисковать частное богатство (право, на которое государственные органы бесконечно претендуют на протяжении всей истории, без какого-либо желания стать социалистическими), а об ограничении принципа, согласно которому при любой купле-продаже обе стороны принимают решения о соответствии экономическим удобствам каждой из них. Это не столько экспроприация в социальном смысле, сколько принуждение к продаже в определенных случаях, даже если у владельца не было никаких намерений или желаний продавать собственность. И тогда все видят, что данный вид договоров не ограничивается недвижимостью, землей или зданиями, а все чаще применяется ко всем торгово-обменным отношениям, когда из-за войны или по другим причинам государство и другие силы устанавливают фиксированные цены (даже если они не соответствуют ценам свободного рынка), проводят реквизицию товаров у производителей и продавцов, или нормирование товаров для потребителей и т.д. в сотне других уже хорошо знакомых нам случаев.

С марксистской позиции ошибка состоит в признании с пролетарской стороны, что в этих операциях и даже в определенных пределах времени и места государство на самом деле действует так, как если бы оно представляло все общество и в интересах всех слоёв населения, улучшало условия для всех классов, как состоятельных, так и работающих людей.

Это серьезная принципиальная ошибка, и кроме того недавнее развитие капитализма позволяет нам установить, что инициатива публичного органа - это чистая маскировка и внешнее

представление: на самом деле всегда есть инициатива лиц и групп, получающих прибыль, и, потому, капиталистический мотив.

Но банальная путаница между социализмом как результатом революции, которая захлестнет капиталистическую систему в любой форме, и простым действием в экономике современного государства с обобществлением или национализацией даже частных производственных компаний, а также частных лиц с правами на землю и здания. Сегодняшний английский пример демонстрирует, как просто денационализировать национализированные отрасли¹. Только если государство может национализировать свой авторитет, то может быть так, что экспроприированный владелец откажется вернуть полученную компенсацию. Закон гарантирует частному лицу «справедливую цену», но вовсе не гарантирует, что управляющее государство сможет вернуть полученное ранее частным лицом богатство, когда оно (государство) устанет управлять. В обоих случаях передачи собственности появились дыры, и для крупных групп капиталистических спекулянтов открылись возможны колоссальные выгоды. В этих двух операциях, как обычно, существует только один реальный экспроприированный, тот, которого не учитывают «в соответствии со свободным договором купли-продажи»; мы говорим: пролетариат.

Эта банальная путаница была сто раз определена и затронута даже во времена «Манифеста». Мы находим другую формулировку первой величины в тексте «Классовая борьба во Франции». Как уже много раз упоминалось, французская социальная среда и социальная история представляют собой истинный «образец» сложных этапов капиталистического развития, которые иногда в конкретном месте проходят за пару лет, а иногда в других местах растягиваются на столетие, и от чего наше движение должно зачерстветь и перестать обманываться:

«Отмена покровительственных пошлин — социализм! потому что она посягает на монополию промышленной фракции партии порядка. Приведение в порядок государственных финансов —

---

1 В Англии лейбористское правительство национализировало сталелитейную промышленность в феврале 1951 года. В октябре того же года она была повторно приватизирована решением консерваторов, победивших на выборах. Лейбористская национализация вновь состоялась в 1967 году.

социализм! потому что оно затрагивает монополию финансовой фракции партии порядка. Свободный ввоз заграничного хлеба и мяса — социализм! потому что он нарушает монополию третьей фракции партии порядка, крупного землевладения (...). Вольтерьянство — социализм! потому что оно нападает на четвертую фракцию партии порядка, католическую фракцию. Свобода печати, право союзов, всеобщее народное образование — социализм, социализм! Ведь всё это — покушения на общую монополию партии порядка»².

Вы поймете, что перечисленные Марксом реформы 1848 года стали предвыборной программой в Италии в 1953 году (обратите внимание на восьмерку и девятку в датах: прошел целый век!). Против монополии в промышленности, финансах и земельной собственности! Против правительства священников и за свободную прессу, школу и ассоциацию! Чья это программа? Партийных коминформистов - свободное объединение миллионов бойцов с целью разрушения себя и других.

Маркс даже называет все это буржуазным социализмом: для него всякий мелкобуржуазный социализм был демоутопистским и социал-пацифистским движением, которое требовало известных реформ, которые не были ликвидированы спустя столетие, ведь мелкая буржуазия...

«...требует кредитных учреждений (...) требует прогрессивных налогов, ограничения права наследования, выполнения крупных работ государством и других мер [мы добавляем в скобках: если они когда-либо были возможны в смысле, заложенном сторонниками нечестивых реформистов], насильственно задерживающих рост капитала»³.

Мы увидим, что это верно в области общественных работ, как и во всем остальном: так что всё нытье прогрессивистов остаётся исключительно реакционным. Именно здесь Маркс завершает (январь 1850 г.) не цитируемым у Ленина (конечно, не упущенным)

---

2 Маркс, «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850».

3 Маркс, «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850».

отрывком, который начинается с концепции диктатуры из письма 1852 г.:

«пролетариат всё более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»⁴.

Как всегда, Маркс «описывает» события истории Франции и в то же время провозглашает пламенными буквами программу революции.

Вчера

Чтобы понять, какова классическая марксистская оценка экономической деятельности государства в области общественных работ (постепенно все отрасли промышленного производства приобретают характер «общественной» работы), и как государство не отправило в отставку или не убаюкало капитал, но предоставило ему лучшие условия для высочайшей вирулентности, мы остановимся прежде всего на строительстве крупных городов и их впечатляющем расширении - тогда как та же логика распространяются на любой другой сектор общих работ для постройки железных путей, дорог, водных и морских сооружений и т.д. Здесь практика экспроприации в пользу общества, восхваляемая победой социального принципа над частным, прямо скажем, наивного, применяется в полном объеме.

На самом деле, речь идет не просто о том, чтобы урезать границу на карте частных владений, сделав безопасной извилистую

---

4 Ссылка на письмо Маркса к Вейдемайеру от 5 марта 1852 года, из которого Ленин цитирует известный отрывок о понятии диктатуры пролетариата в «Государстве и революции» и других работах.

дорогу по земле или воде, железу или асфальту. Речь идет о том, чтобы занять и регулировать целые территории, где все еще царит аграрное хозяйство и обустройство, с тем, чтобы перепрофилировать их в качестве мест проживания для уплотненного городского населения. Здесь государственному органу пришлось взять на себя центральное управление, которое, кроме того, все больше распространяется на всю территорию для нужд неисчислимых предприятий, расширяющие свои сети от центра к центру, а также обслуживает даже самые маленькие сельские ячейки в развитых странах.

На этой основе основывается наука, которая с большим энтузиазмом воспринимается рабочими партиями и полна классовых ошибок: урбанистика. Публичная власть не только стремится использовать каноны этой довольно шумной науки и, таким образом, полностью соответствовать общим интересам, когда она составляет и реализует планы по сносу и перестройке целых кварталов, изгоняя владельцев старых домов, но, вооружаясь регулирующими планами, берет на себя контроль с очень сильными ограничениями (вот фанфарная похвальба тому, как мы опускали частную инициативу в коллективных целях) полномочий по модификации и строительству владельцев недвижимости и земельных участков.

В этом нет ничего нового, не говоря уже о долгожданном социализме! Исторически новое и исключительное явление капитализма - это огромное количество метрополий, которые до буржуазной эры никогда еще не зажимали людей в тесном кругу своих территорий, даже в легендарных рассказах Фив или Вавилона.

Но города всегда были упорядочены органами государственной власти и не рождались случайным собранием отдельных инициаторов строительства. Во времена более широкого расселения и молекуляризации социальных отношений, таких как Средневековье, вечно оклеветанное Средневековье, каждый лорд продолжал отодвигать замок, виллу и села или деревни своих крепостных подальше от соседних феодалов, и переход между аграрной и городской регуляцией почвы подчинялся центробежному, а не центростремительному закону.

Деревня диких или даже кочевых народов (скопление палаток или, может быть, фургонов без оседлости, которые предшествовали современным урбанистам, проектирующим сборные дома или дома на колесах) была объединена в первобытном коммунизме для удовлетворения простых нужд обороны от всех внешних опасностей (зверей, вражеских народов, мародеров, природных фактов и т.д.), которые не позволили утвердиться более рассеянной форме проживания.

Но (не зря полис означает и город, и государство) когда возникает деление общества на классы по отношению к производственной и социальной деятельности, а вместе с ней (в нашем цикле это вспоминается столько раз) возникает организация власти, «основываются» города. Поэтому одним из крупных планов (восходящих к той же мифологии) спроектировал Ромул, не имея команд и компасов, используя бычью шкуру. Так в полной мере возникла урбанистика, и Рем сполна поплатился за это.

Античные и средневековые города были строго отрегулированы, будучи не в состоянии выйти за пределы стен, и каждый из них был связан с именем военачальника или государственного деятеля. Буржуазия разрушила все ремни и теперь стремится избежать избыточного давления со всех сторон, чтобы навести порядок в соответствующей оргии прибыли, которую сама и разожгла.

Мы, наблюдая за этим, не позволяем себе восхищаться описаниями, основанными на смешных технических трюках, миллионах квадратных метров и миллиардах кубических конструкций, и многих цифрах со многими нулями домов, помещений, рабочих дней, тонн бетона, железа и т.д.; и в очередной раз повторяя обычные цитаты и до скукоты, мы защитимся от глупой гипотезы об открытии новых вещей.

Буржуазия, согнав людей на фабриках, была вынуждена работать над сосредоточением тысячи периферийных феодальных держав в единую государственную власть, а бесконечные деревни в огромные национальные столицы и главные города для своих полицейских префектур. Таким образом, современное государство возникло во времена феодального режима, и буржуазия

унаследовала его, но это государство поднялось как буржуазное существо, которое в очень долгой борьбе взяло на себя обязанности и полномочия орденов, таких как дворянство и духовенство, ранее селившихся в замках, вотчинах, приходах и монастырях. Отсюда и рост городов.

Краткий ответ Сталина по вопросу о внеэкономическом принуждении при феодальном режиме был не совсем верным:

«Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность, на землю»⁵.

В правильном ответе нужно было в первую очередь сказать, что выражение «внеэкономическое принуждение» не марксистское, и имеет смысл только в буржуазной либеральной экономике, где закон стоимости и стихийный экономический акт являются «вечным законом природы», а буржуа свергли средневековый режим, потому что он был противился этому закону.

В марксизме принуждение и насилие являются такими же экономическими фактами, как и свободная торговля; или лучше: не существует «свободных» классовых экономических отношений. Феодальная собственность была не собственностью в буржуазном смысле, а личным господством над массой крепостных. Они были связаны с землей, а земля - с синьором, но с административным и политическим ограничением. Однако та часть продукта и труда, которую крепостной должен отдать лорду или священнику, является основой экономических отношений, как и любые другие, и вначале это была плата, которую он давал в обмен на защиту со стороны лорда со своей армией против внешних хищников, её источником были бедные запасы крепостных и их ничтожные «вложения» рабочей силы в землю. Даже в современных государствах налоги, которые граждане платят государству за оказание многих услуг (в том числе полицейских), не имеют очевидного аналога в соответствии с законом стоимости, который манчестерский Сталин хочет объявить действующим повсеместно...: значит ли это, что они

---

5 Сталин, «Экономические проблемы социализма в СССР».

являются внеэкономическим принуждением?! К сожалению, они являются вершиной «экономического принуждения», воплощенного налоговым агентом и исполнителем.

Это была буржуазия, которая, лишив синьора его прерогатив центральными силами государства и освободив крепостных (см. серию «Собственность и капитал» в «Prometeo»)⁶, сделала землю «предметом торговли» и объектом частной собственности в полном смысле.

Но эта собственность может быть подавлена, а вместе с ней и класс собственников, без уничтожения капитала (Маркс, Энгельс, все те бесчисленные и бесспорные цитаты не раз приведенные нами). Даже если бы было показано, что после разрушения феодализма ни в одной части России земля не превратилась в отчуждаемую частную собственность, продающуюся за деньги, а всегда распределялась под управлением положений государственного центра, то это не доказало бы выхода за пределы капиталистических отношений.

В данном случае речь идет о том, что даже государство, некогда сделавшее землю доступной для торговли в обмен на деньги, не могло допустить перекрытия обширных территорий, возделываемых зон и земель оборудованных для городской жизни, в соответствии с этим теоретически и юридически установленным процессом. При этом оно не добилось никакого прогресса в направлении социализма, но не сделало ни одного шага назад к типам имперской или королевской принадлежности областей национальной территории для того или иного военного или гражданского, городского или сельского использования.

Маркс говорит в «Воззвании» к Коммуне (1871):

«Централизованная государственная власть с её вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда,

---

6 Серия статей, которая вышла между 1948 и 1952 и осталась незавершенной, см., В частности, гл. II, «Появление капитализма и правовых отношений собственности», Prometeo n.13, август 1949 г. Эта тема также была разработана в серии статей по аграрному вопросу.

— существует со времён абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом»⁷.

И отсюда Маркс и Ленин начинают доказательство того, что вскоре этот аппарат, это «государственное здание» поднимается как капиталистическая машина угнетения рабочих.

Вместе с этой машиной государства и абсолютными монархиями буржуазия нашла, как следствие, уже сосредоточенное множество сельского населения в исторических столицах. Но это была только начальная концентрация по сравнению с той, которая последовала за промышленной трансформацией, особенно когда крупные фабрики стекались в окраины городов по очевидным причинам «низкой стоимости продукции» за счет транспортных сбережений на дорогах между рынками.

Началась эпоха крупного строительства. Не имея возможности сразу использовать большие открытые пространства, новый режим обратился к системе сноса старых кварталов традиционных городов для создания новых фабрик и широких улиц. Мы не можем быстро рассказать историю этого огромного преобразования; речь о том, что она не вызывает и доли марксистского энтузиазма.

Когда в вышеупомянутой работе на ярких страницах Маркс защищает коммунаров от обвинения в том, что они пытались сжечь Париж, лишь бы не возвращать его бандитам Тьеру и Бисмарку, он проводит параллель между этим разрушением, которое он считает законным средством в гражданском конфликте, объявленном ортодоксами войной, и разрушениями капиталиста Османа, который действовал при малом Наполеоне: менее оправданный (по сравнению с христианами против языческих монументов) вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!⁸.

---

7 Маркс, «Гражданская война во Франции».

8 Маркс, «Гражданская война во Франции». Полный отрывок: *«Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической*

Еще до Второй империи Маркс несколько раз показывает на дерзкие спекуляции во французском обществе, скрывающиеся за большими государственными работами, и политическое недоразумение, которое гласит:

«Народ должен иметь работу. Предпринимаются общественные работы»⁹.

Затем Энгельс развивает эту позицию современного разрушительного урбанизма как в классическом «К жилищному вопросу», так и (вспоминая это в этом исследовании) в своей юношеской работе о рабочем классе в Англии:

«Рост современных больших городов приводит к искусственному, часто колоссальному повышению стоимости земельных участков в некоторых районах, в особенности в центре города; возведенные на этих участках строения, вместо того, чтобы повышать эту стоимость, наоборот, снижают ее, так как уже не соответствуют изменившимся условиям; их сносят и заменяют другими. В первую очередь такая участь постигает расположенные в центре рабочие жилища, наемная плата со сдачи которых, даже при величайшей скученности, никогда не может, или во всяком случае крайне медленно может превысить известный максимум (...). Бонапартизм, в лице своего Османа, в колоссальнейших размерах использовал в Париже эту тенденцию для мошенничества и личного обогащения. Но дух Османа прошелся и по Лондону, Манчестеру, Ливерпулю и, по-видимому, чувствует себя как дома и в Берлине и в Вене [1872]. В результате, из городских центров рабочих оттесняют на окраины; жилища для рабочих и вообще маленькие квартиры становятся редкими и дорогими, а зачастую их и вовсе не найти, так как при таких условиях строительная промышленность, для которой дорогие квартиры представляют гораздо более выгодное поле для спекуляции, строит жилища для рабочих лишь в виде исключения»¹⁰.

борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого. И уже всего менее эти меры рабочих Парижа походили на вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!».

9 Маркс, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Он ссылается здесь на первые работы по городской трансформации Парижа первых месяцев после переворота.

10 Энгельс, «К жилищному вопросу».

Энгельс иллюстрирует эту картину, сегодня очень актуальную для Италии (и не только), прибегая к примеру, хорошо им изученному в Манчестере. У города было ужасное место, называемое «Малой Ирландией», и которое было разрушено около 1840 года из-за городского планирования и строительства железной дороги. Но несчастные выселенные работники не были заселены в лучшие кварталы; они забились в другой старый район к югу от дороги в Оксфорд, и в 1872 году наводнение из-за поднятия уровня реки Медлок заставило прессу разобраться с этим районом, жуткие описания которого будоражили публику.

Сегодня

Было бы ошибкой считать, что сегодня, после большой болтовни о государственном жилье и рабочих, о ремонте и восстановлении зданий, все происходит иначе.

В тех странах, где, как и в Италии, прирост населения не сопровождался увеличением числа домов, а напротив, время и войны привели к их сокращению, несмотря на любые попытки регулирования с составлением нормативных и территориальных планов, планов INA-Case и т.п., на самом деле спекуляция контролировала пространство, а плохие жилищные условия рабочего класса являлись лишь предлогом для разрушения «старых лачуг» в городских центрах с большой роскошью демагогической риторики. Таким образом, свободные земли представляют огромную ценность при условии, что они застраиваются зданиями не для прежнего социального страта, жившего здесь, а для более богатых.

Закон об экспроприации в общественную пользу не служит, как хотелось бы полагать, предотвращению спекуляций давних сельских землевладельцев на периферийных почвах, необходимых для расширения городов. Такие земли экспроприируются путем их оценки в соответствии с экономикой и сельскохозяйственным доходом данных ферм, поэтому в результате получается более низкая цена по сравнению с той, что устанавливается по обоюдному согласию и договору. Но большая стоимость «строительной» земли по сравнению с примитивной возделываемой почвой, если она зависит от «притяжения», созданного капиталистической системой, к

крупным агломерациям, на самом деле возникает в результате оснащения этих голых областей дорогами, канализацией, электричеством, водой, газом, транспортом и прочего. Поскольку строительная индустрия встречает необходимость строительства дома для рабочих, то есть для малоимущих, то она или отказывается таких проектов, или требует, чтобы муниципалитеты или государство выполняли эти общие работы и системы за свой счет: сегодня даже государство часто делает все это (часто бюрократия полностью об этом забывает) и даже стройматериалы для домов.

Это строительное производство не отвечает потребностям, необходимым для приспособления к простому приросту населения и выселению от старых зданий, разбросанных по городам, которые приходят в негодность и разрушаются.

Тем временем строительный спекулянт бросает взгляд на центр и пользуется всеми удобствами оружия закона об экспроприации. Под его прицел попадает хибара в некоторых районах старых исторических кварталов, и затем это здание оценивается, в зависимости от дохода, и оформляется в виде свободной купли-продажи с оплатой в размере четырех монет. Вот как частные интересы домовладельца уступают общей лучезарной трансформации современных городов.

Таким образом, почва обходится дешево не государственному органу, а частному спекулянту, который благодаря своей настойчивости и упрямости сумел оседлать ржавую бюрократическую машину (нельзя полагать, что виновата только коррупция: по большей части это тревожный звонок для класса, который спит или предается азартным играм, особенно одобренным парламентским режимом, партийным давлением). И тогда в новом строительстве возникает огромный разрыв между тем, сколько стоит новое здание, и тем, сколько можно наварить, если продать его или сдать в аренду.

Если бы все это возникло в результате простого грабежа домовладельцев, больших или малых, и определило передачу их богатства промышленным строителям, каков, хотя бы примерно, вред для общества?

Ущерб заключается в сокращении количества домов и комнат, доступных для низших классов.

Официальные данные признают, что строительство в Италии по-прежнему ничуть не уменьшает среднюю плотность индивидов на жилое помещение. Но среднее значение заперто между крайностями: дворца из тридцати комнат для зажиточного синьора и одной комнаты, где живут десять представителей рабочего класса (на юге бывают случаи и похуже). Если бы статистика позволила изучить экстремальные показатели, то можно было бы увидеть, что для удобства спекуляций число роскошных помещений увеличилось, а число «народных» домов также уменьшилось, и не забудем про сносы зданий, которые проводятся для «облагораживания» города. Таким образом, показатели плотности населения среди рабочего класса (минимально - в новых домах, которые всегда отходят буржуазии, и максимально - в девяти десятых трущоб, которые остаются стоять - у нас на протяжении веков) постепенно ухудшается.

Механизм общественной пользы и правил урбанистики, которые должны, как в строительной, так и во всех других сферах, давать советы по сокращению частных выгод в пользу призрачного «всеобщего интереса», подчинен капиталистическому режиму, действующему в противоположном от общества направлении, и является лишь одной из опор такого режима.

Ни чудовищный комплекс государства, ни его многочисленные органы и офисы не «движутся» по собственной воле, исправляя весь беспорядок, и вообще не способны на это. Такую роль всегда исполняют частный предприниматель и частная аферистская группа (что в соответствии с современной механикой других секторов экономики почти всегда вымогает у государства ликвидный капитал, направленный на авансирование), выбирающие место, где произойдет снос здания.

Больше, чем когда-либо, эти с виду «публичные» и «социальные» механизмы оставляют боссу чистое поле для наглой инициативы капитала.

Поэтому революционный пролетариат не должен связывать свою программу с риторическим восхищением легендарной

«исцеляющей киркой»¹¹, ровно как и с хвастовством разных государств их ослепительными городскими преобразованиями.

И только одна кирка принесет нам пользу - та, что разобьет кровавые камни здания, что по-марксистски называется капиталистическим государством.

---

¹¹ «piccone risanatore» («исцеляющая кирка») итальянское движение, которое ставило целью перестраивать и благоустраивать старинные города.